

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВЫПУСКНИКАМИ И СТУДЕНТАМИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ДУХОВНЫХ СЕМИНАРИЙ И ИНЫМИ СУБЪЕКТАМИ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ И ПРОПОВЕДНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА РОССИИ ПОДХОДОВ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ: ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАЗЪЯСНЕНИЙ ДАННЫМИ СУБЪЕКТАМИ РЯДА ПОЛОЖЕНИЙ «ОСНОВ СОЦИАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ РПЦ»

Потапчук Владимир Иосифович

*к.ф.н., доцент, Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск)
000644@pnu.edu.ru*

Добрых Алексей Вячеславович

*к.с.н., Религиозная организация – духовной образовательной организации высшего образования Хабаровской епархии Русской Православной Церкви «Хабаровская духовная семинария»
avd.avch2010@yandex.ru*

PROSPECTS FOR THE USE OF THE APPROACHES OF RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY BY GRADUATES AND STUDENTS OF FAR EASTERN THEOLOGICAL SEMINARIES AND OTHER SUBJECTS OF ORTHODOX EDUCATIONAL AND PREACHING ACTIVITIES IN THE CONDITIONS OF THE RUSSIAN FAR EAST: THE SIGNIFICANCE FOR THE CLARIFICATION BY THESE SUBJECTS OF A NUMBER OF PROVISIONS OF THE "FUNDAMENTALS OF THE SOCIAL CONCEPT OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH"

**V. Potapchuk
A. Dobrykh**

Summary: This article analyzes the problems associated with the use in Orthodox educational and preaching activities of the views of famous Russian religious philosophers on the problems of the material and spiritual, on the nature of the Church and human life in it – as well as the prospects for such use in explaining a number of provisions of the "Fundamentals of the social Concept of the ROC". The authors of the article believe that in modern conditions (especially in the conditions of the modern Russian Far East), it has become very difficult for students and graduates of theological seminaries, Orthodox clergy and other people engaged in Orthodox educational work to implement key tasks within its framework. This activity currently requires particularly flexible thinking and a very broad philosophical and other outlook. Of course, people who carry out such work should rely, first of all, on traditional Orthodox canons, ideas and postulates (including those contained in the "Fundamentals of the Social Concept of the ROC"). At the same time, to clarify any specific private nuances, these people may benefit from the views and judgments of famous Russian religious philosophers associated with such private nuances.

Keywords: traditional Orthodox approaches, Orthodox educational activities, "flowing culture", "librarianship", Russian religious philosophy, the metaphysics of unity, "middle-level theory".

Аннотация: В данной статье анализируются проблемы, связанные и использованием в православной просветительской и проповеднической деятельности воззрений известных русских религиозных философов на проблемы материального и духовного, на природу Церкви и жизнь человека в ней - а также перспективы такого использования при разъяснении ряда положений «Основ социальной концепции РПЦ». Авторы статьи считают, что в современных условиях (особенно в условиях современного Дальнего Востока России) студентам и выпускникам духовных семинарий, православным священнослужителям и иным людям, занимающимся православной просветительской работой, реализовывать ключевые задачи в ее рамках стало очень трудно. Данная деятельность в настоящее время требует особенно гибкого мышления и очень широкого философского и иного кругозора. Разумеется, люди, осуществляющие такую работу, должны опираться, в первую очередь, на традиционные православные каноны, представления и постулаты (в том числе содержащиеся в «Основах социальной концепции РПЦ»). При этом для разъяснения каких-либо конкретных частных нюансов этим людям могут быть полезны взгляды и суждения известных русских религиозных философов, связанные с такими частными нюансами.

Ключевые слова: традиционные православные подходы, православная просветительская деятельность, «проточная культура», «библиотечность», русская религиозная философия, метафизика всеединства, «теория среднего уровня».

Основные проблемы православной просветительской и проповеднической деятельности в современных условиях Дальнего Востока России: географические и социокультурно-духовные аспекты

Цель настоящей статьи можно определить как комплексное раскрытие и позиционирование совокупности социально-мировоззренческих проблем, связанных с условиями, смысловыми контекстуальностями и перспективами формирования рецепционных стратегий, а также стратегий преодоления имеющихся трудностей в области просветительской, проповеднической и миссионерской деятельности православных священнослужителей и иных субъектов. Особую актуальность рассматриваемая проблематика приобретает применительно к задачам разработки и реализации образовательных стратегий и траекторий, соотносимых со спецификой формирования конкретных компетентностных характеристик студентов духовных семинарий (не в последнюю очередь - Хабаровской духовной семинарии), чья будущая пастырская работа будет связана с Дальним Востоком России. Указанные обстоятельства требуют уделения особого внимания, во-первых, анализу специфики дальневосточных условий как особого социокультурно-смыслового пространства и особой совокупности полей и адресатов реальной или предполагаемой просветительской, проповеднической и миссионерской деятельности; во-вторых – анализу специфики и перспектив предполагаемых стратегий преодоления трудностей, особенно характерных для такой работы именно в условиях современного дальневосточного социума. Применительно к проблемам, релевантным специфике собственно дальневосточных условий как особого смыслового пространства просветительской и проповеднической деятельности, необходимо отметить следующее. Долгие десятилетия принудительного насаждения общеобязательного государственного атеизма в советскую эпоху наложили свой отпечаток, разумеется, на все современное российское общество как на макросовокупность потенциальных адресатов и как на смысловое пространство условий православной просветительской и т.д. работы. Субъектам такой работы довольно трудно вести борьбу с унаследованными от прошлого секуляристскими предубеждениями, суевериями, клише и стереотипами (как мировоззренческого, так и утилитарно-прикладного характера) фактически почти на всей территории современной России. При всем этом важно отметить, что насаждение атеистического мировоззрения в советское время именно на Дальнем Востоке России оказалось особенно «эффективным» и «успешным». Во многом такой «результативности» способствовали, в частности, следующие исторические факторы: а) малонаселенность дальневосточных земель и слабая их освоенность русскими людьми; б) почти полное отсутствие глубоких,

укорененных культурных и иных традиций, свойственных россиянам западной части страны; в) нередко временный, конкретно-ситуативный и «проточный» характер пребывания на этих землях представителей различных социальных групп; г) ярко выраженные устойчивые влияния на социум мировоззрений, субкультур, парадигм и «традиций» криминального и околокриминального характера (ибо Дальний Восток России всегда был регионом с особой концентрацией тюрем, лагерей и т.д.). В данном отношении архиепископ Хабаровский и Приамурский Марк, в частности, обращал особое внимание на то, что все вышеуказанные обстоятельства обусловили «...либо культурный нигилизм: индифферентность к родной старине и ориентация на «заграницу»; либо другая крайность: псевдотрадиционализм в духе сектантства и экстремизма» [5, С.43-44].

На вышеуказанные особенности Дальнего Востока России, на их особое значение в жизни дальневосточного социума обращали также внимание и современные светские ученые. В частности, Л.Е. Бляхер и С.А. Левков, характеризуя специфическую «проточную культуру» Дальнего Востока, отмечали следующее: «... территория региона осмыслялась, прежде всего, как осваиваемая Россией, не совсем Россия... Основная масса населения региона не столько заселяла его, сколько протекала через территорию...» [1, С.89-90].

Можно констатировать: вышеизложенные обстоятельства свидетельствуют о том, что в современных дальневосточных условиях субъекты просветительской и проповеднической деятельности вряд ли смогут уверенно разрабатывать и реализовывать стратегии, основанные на убежденности в априорной приверженности их адресатов определенным культурно-духовно-историческим архетипам и паттернам, смысловым контекстуальностям и «фоновым знаниям». Современные дальневосточники, по всей видимости, в особенно существенной мере утратили древнюю способность быть православными «простецами», верящими «сердцем». Трудно сказать, что здесь сыграло большую роль: советские агрессивные пропагандистские и образовательные (концепты «знания как анти-религии», «религии как невежества» и т.д.) либо же слишком уж жесткое доминирование в рамках «жизненных миров» установок и ориентаций прагматично-утилитарного характера (из-за суровых условий жизни, влияний криминальных и околокриминальных субкультурных установок и т.д.). Как бы там ни было, чаще всего для колеблющихся, сомневающихся в вопросах веры/неверия людей наиболее убедительными оказываются не апелляции к «сердечным» культурно-историческим архетипам и «фоновым знаниям», а те или иные формы рациональной аргументации на основе логических доводов либо формально-научного, либо житейско-обыденного характера.

Таким образом, для реальных или потенциальных субъектов просветительской, проповеднической и миссионерской работы на Дальнем Востоке (например, для студентов и выпускников духовных семинарий, готовящихся к пастырскому служению на дальневосточной земле), грамотное владение методологией, логикой и понятийным аппаратом социогуманитарного научного знания становится просто жизненно необходимым. Для современного православного дальневосточного пастыря, не желающего оказаться (например, на дискуссионной площадке) в некой униженной роли «невежественного попа», важным подспорьем во многих неоднозначных вопросах может оказаться русская религиозная философия, ее подходы и методы. В то же время нужно помнить, что далеко не все ее выводы и суждения строго соответствуют традиционным православным постулатам и канонам. В этой связи нам представляется целесообразным обратиться к проблематике отстаивания субъектами просветительской, проповеднической и миссионерской деятельности ряда православных постулатов в контексте базовых положений «Основ социальной концепции РПЦ» - с такими формами заимствования отдельных суждений и доводов русской философии, которые будут максимально релевантны вышеупомянутым положениям вышеуказанного официального документа.

«Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» как официальный документ: общее значение для субъектов православной просветительской и проповеднической деятельности

«Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» - официальный документ, всесторонне и комплексно раскрывающий канонические подходы Церкви к важнейшим проблемам общества и мира, человека и современной жизни. В декабре 1994 года Архиерейский Собор РПЦ признал, что, поскольку в традиционных канонических текстах и т.д. не всегда содержатся прямые исчерпывающие ответы на сложнейшие вопросы современности, то возникла острая необходимость в разработке такого документа, который бы мог всесторонне осветить официальные взгляды и подходы Церкви применительно к вышеуказанным вопросам и проблемам. Разработка проекта такого документа заняла достаточно продолжительное время и включала в себя несколько этапов. 19 июля 2000 года проект данного документа был рассмотрен и одобрен на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви; тогда же принятый документ и получил свое современное официальное название [6]. Несомненно, субъекты православной просветительской, проповеднической и миссионерской деятельности в своих суждениях обязаны, помимо Священного Писания, решений Вселенских Соборов, наставлений Святых Отцов и т.д., руководствоваться также и положениями вышеуказанного до-

кумента. Православный пастырь, миссионер, преподаватель, общественный активист в своей деятельности ни в коем случае не должен позволять себе каких-либо отступлений от канонических взглядов и постулатов, от официальных подходов Церкви. При всем этом, конечно, необходимо учитывать, что ни в каком официальном документе, научном труде и т.д. (в том числе и в «Основах социальной концепции РПЦ») в принципе не может быть прямых однозначных ответов на все без исключения миллиарды миллиардов вопросов, которые могут волновать современных людей. По всей видимости, в некоторых случаях (например, при отсутствии прямых канонических ответов Церкви на волнующий собеседника вопрос) социальный актер, реализующий стратегии православной просветительской, проповеднической или миссионерской деятельности, гипотетически мог бы использовать в дискуссиях, беседах и т.д. какие-либо логико-методологические приемы и подходы «по аналогии» - которые, конечно, максимально адекватны, релевантны и комплементарны традиционным подходам Церкви, изложенным в «Основах социальной концепции РПЦ». Разумеется, формулировать такие «аналоговые» ответы необходимо с предельной осторожностью и гибкостью. В данном отношении православному активисту, проповеднику, миссионеру, преподавателю особенно важно глубоко и всесторонне овладеть общей логикой и методологией «Основ социальной концепции РПЦ». Только такое фундаментальное «погружение» в методологическое и иное смысловое пространство документа (естественно, на основе предшествующего такого же «погружения» в постулаты более древних основополагающих православных текстов) может «открыть» для скрупулезного разработчика и/или исполнителя просветительно-проповеднических и т.д. стратегий своеобразное «окно возможностей» для тех или иных «аналоговых» импровизаций и т.д. Несомненно, подобные поиски методологических «аналогов» на основе произвольных желаний, представлений, установок и умонастроений конкретных субъектов вышеуказанных стратегий также недопустимы. В соответствии с известным принципом «методологической самодостаточности», а также в силу необходимости преодоления личного и группового «своеволия» в данном вопросе, субъекты православной просветительской, проповеднической или миссионерской деятельности, реализующие какие-либо «аналоговые» методики, должны искать такую, выражаясь словами И.Т. Касавина, «библиотечность» [3], которая была бы как в духовно-содержательном, так и в методологическом отношении максимально адекватна «библиотечности» традиционных православных подходов в рамках «Основ социальной концепции РПЦ». При этом, конечно, исключительно важно следить, чтобы используемый «аналог» ни в коем случае в чем бы то ни было не «подменял» тот или иной традиционный православный постулат; он должен лишь служить целям эффективной трансляции адресатам вышеуказанного постулата. В данном отношении

имеет смысл обратить особое внимание на те «аналоговые» смысловые концепты и теоретические конструкции, которые содержатся в рамках подходов известных представителей русской религиозной философии. Как уже упоминалось, современные условия (особенно современные дальневосточные условия) требуют от субъектов православной просветительской, проповеднической и/или миссионерской деятельности особенно глубокого, гибкого и всестороннего владения методологическими и иными подходами социогуманитарного (не в последнюю очередь – философского) мышления.

Перспективы использования субъектами стратегий православной просветительской и проповеднической деятельности подходов русской религиозной философии – при разъяснении адресатам вышеуказанных стратегий ряда положений «Основ социальной концепции РПЦ», касающихся традиционного понимания проблематики материального и духовного, добра и зла, природы Церкви и жизни человека

В современную эпоху системного кризиса культуры, цивилизации, социогуманитарного научного мышления особую остроту приобретают так называемые «эффекты испорченных телефонов» – тесно связанные с усложнением, виртуализацией и «деконструкцией» как транслируемых смыслов, так и условий, контекстов и дискурсов их трансляций. Если же говорить о специфике и проблемах трансляции православных смыслов и ценностей в современных российских условиях, то важно отметить, что в данном случае вышеуказанные глобальные тенденции в очень значительной мере усугубляются сильным влиянием на потенциальных адресатов (особенно на Дальнем Востоке) сложного наследия долгих десятилетий насаждения общеобязательного атеистического мышления. Подобное влияние, в частности, может выражаться не только в колебаниях и сомнениях (самого разнообразного характера) у адресатов, но и, к примеру, в непонимании адресатами трансляций особенностей самой природы Православной Церкви, ее смысла и назначения и т.д. В сознании потенциальных адресатов, к примеру, могут быть как бы «размыты границы» между образами Церкви и культурных традиций, Церкви и этнокультурной обрядности, Церкви и каких-либо политических и иных идеологий, секулярных мировоззрений и т.д. Важно учитывать, что в современных условиях всевозможные подобные заблуждения могут быть многократно усилены и «диверсифицированы» влияниями различных фейков, «симулякров», подмен понятий и т.п. Субъектам православной просветительской и проповеднической деятельности всегда необходимо, прежде всего, исходить в своих рассуждениях из традиционных канонических формулировок православных доктрин (производные от канонических постулатов формули-

ровки, безусловно, содержатся и в положениях «Основ социальной концепции РПЦ»). Что же касается конкретных авторских разъяснений тех или иных традиционных постулатов и положений субъектами православных просветительских стратегий, то такие разъяснения, разумеется, будут предопределены сложной совокупностью влияний конкретных объективных и субъективных макро- и микрофакторов, условий и ситуаций, конкретных контекстов, ракурсов, коммуникативно-речевых составляющих, смысловых контекстуальностей и «фоновых знаний» и т.д. При всем этом для субъектов трансляций велика опасность совершения всевозможных ошибок, а также опасность ухода в различные крайности – применительно к разъяснению конкретных проявлений природы Церкви и пр. В этом отношении важную роль как бы «опосредующих» (напоминающих «теорию среднего уровня» Р. Мертона) положений (способных помочь, в частности, избежать крайностей как замалчивания каких-либо проблем, так и их слишком произвольных трактовок) вполне могут сыграть различные концепции выдающихся русских религиозных философов XIX – XX веков. Если говорить о природе Церкви, то, разумеется, важнейшие разъяснения по данному вопросу содержатся в рамках «Основ социальной концепции РПЦ». В рамках данного документа дается следующая формулировка: «Церковь есть собрание верующих во Христа, в которое Им Самим призывается войти каждый. В ней «все небесное и земное» должно быть соединено во Христе, ибо Он – Глава Церкви, которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем... В Церкви действием Святого Духа совершается обожение творения, исполняется изначальный замысел Божий о мире и человеке. Церковь являет результат искупительного подвига Сына, посланного Отцом, и освящающего действия Духа Святого...» [6, С.7]. Субъект православной просветительской деятельности, разъясняющий данные положения «Основ социальной концепции» гипотетически может столкнуться с возможными сомнениями со стороны адресатов, фундированными в содержательных и методологических парадигмах позитивистско-материалистической «научности». Подобные обстоятельства могут зачастую проявляться в форме серьезных сомнений в самой «возможности» (при том, что подобная «возможность» понимается таким адресатом исключительно в дословно-буквально-материалистическом смысле) таких явлений, как, например, «способность Церкви быть Телом Христовым», «обожение творения». Успешность преодоления субъектом просветительской деятельности таких сомнений со стороны адресатов возможна, по большому счету, лишь в тех случаях, когда речь идет именно о сомнениях и колебаниях, а не о твердой атеистическо-материалистической позиции оппонентов (хотя, конечно, нельзя «опускать руки» даже в ходе бесед с убежденными атеистами). Как бы то ни было, потенциальным субъектам стратегий православной просветительской деятельности, разъясняющим адресатам

вышеприведенные характеристики природы Церкви в рамках «Основ социальной концепции», гипотетически могли бы быть полезны (в тех или иных аспектах и отношениях) следующие утверждения, сопряженные с базовыми положениями русской религиозной философии.

Прежде всего, в подобных случаях представляется целесообразным обратить особое внимание сомневающимся адресатов на то обстоятельство, что хорошо известный «основной вопрос философии» даже в рамках позитивистской методологии не имеет и не может иметь однозначного решения в пользу материалистической картины мира. В данном отношении полезным было бы обращение, например, к основным идеям русских религиозных философов, которые считают приоритетным духовное значение – для любого явления, процесса, закономерности, проблематики. Так, например, Г.С. Сковорода, фактически основавший антропологическую традицию в русской философии, отмечал, что именно «сердце» (здесь имеется в виду духовное, нематериальное начало) в человеке и является тем главным, что определяет основное содержание человеческой личности [2]. Важно обратить внимание также на то, что ряд русских мыслителей (славянофилы, В.С. Соловьев и др.) в качестве важного условия и аспекта «целостности» человеческого бытия видят процесс преодоления односторонней рассудочной природы научного знания. Так, Н.Ф. Федоров утверждал, что необходимо восстановление в познании синкретичного единства, т.е. связи мысли и действия – в контексте его известной концепции «общего дела». Кроме того, примечательно, что В.С. Соловьев в своей «метафизике всеединства» определял трансцендентное духовное «единое» как то, что не поглощает собой частных элементов, индивидуальностей, но существует во имя всех и для каждого [7]. Именно в русле такого понимания «идеального бытия» у выдающегося русского философа и формулируется его учение о Софии – особой силы, связующей Творца и творение. В подобном же ключе выстраиваются рассуждения С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского и других представителей «метафизики всеединства».

Конечно же, опора гипотетических субъектов реализации стратегий православной просветительской деятельности на вышеприведенные умозаключения русских философов априори предполагает наличие определенного уровня социогуманитарного кругозора и гуманитарно-рефлексивного мышления у потенциальных адресатов соответствующих трансляций (что, в частности, зависит также от возраста предполагаемых адресатов и т.д.). Но даже в том случае, если потенциальные адресаты по каким-либо причинам и не будут обладать необходимым кругозором и требуемым уровнем мышления, все равно с довольно высокой долей вероятности можно спрогнозировать возможность появления такой ситуации, в рамках которой у того или иного

предполагаемого адресата теоретически можно развеять те же предрассудки относительно «религии как невежества» - даже самим утверждением о существовании великой русской религиозной философии, многие представители которой были православными священниками (например, о. Сергей Булгаков, о. Павел Флоренский, о. Георгий Флоровский).

В данном отношении необходимо также обратить внимание на ряд положений «Основ социальной концепции РПЦ», касающиеся отдельных аспектов сложнейших проблематик теодицеи и смертности человека и человечества. В частности, в тексте «Основ социальной концепции РПЦ» содержатся утверждения, что «... смысл бытия не ограничивается земной жизнью» [6, С.84], а также что каждый имеет христианское право на «...достойную, «непостыдную и мирную» кончину...» [6, С.99]. Таким образом, в положениях «Основ социальной концепции РПЦ» лишней раз подтверждается, что сами интерпретации понятий «жизнь» и «смерть» в традиционном православном дискурсе имеют особый характер, серьезно отличающийся от секулярно-материалистического и утилитарно-обыденного понимания. Точно так же и «зло», как исключительно разноплановое и многоликое явление, в православной трактовке будет иметь несколько иные аспекты и ракурсы и несколько иные проявления своей «многоплановости», чем в рамках обыденного и материалистического понимания. Важно отметить, что, применительно к реализации подобных просветительских задач, в некоторых случаях «на помощь» предполагаемым православным просветителям могут прийти, опять же, умозаключения русских философов. Так, В.С. Соловьев рассматривал проблематику зла в контексте своей «метафизики всеединства». С этим связана убежденность философа в том, что добро – абсолютно, а зло, представляющее в самых различных видах – всегда относительно [7]. С.Н. Булгаков полагал, что зло – лишь функциональная (а не субстанциальная) испорченность мира; в силу этого автор считает, что зло – в принципе исчерпаемо. По мнению Н.О. Лосского, зло может исчезнуть лишь вместе с материальным миром, но оно не является какой-то фатальной мировой «предзаданностью» - ведь зла могло бы и не быть, если бы не всеобщая эгоистичность, не всеобщее злоупотребление свободой [4].

Таким образом, подходы русских религиозных философов к вопросам, относящимся к сложнейшим проблематикам бытия духовного мира, смерти, теодицеи, мирового зла и т.д. очень разнообразны - но в то же время их отличает общая несводимость подходов к распространенным в современном обществе обыденно-утилитарным интерпретациям. Именно на это обстоятельство, по всей видимости, и следует обращать особое внимание потенциальным субъектам православной просветительской и проповеднической

работы – разумеется, в контексте раскрытия ими уже не «философской», а строго-традиционной «несводимости» православных трактовок к вышеупомянутому обыденному пониманию. Именно в таких случаях и контекстах гипотетически может иметь смысл говорить о потенциальной пользе тех или иных суждений русских религиозных философов XIX – XX вв. Можно констатировать следующее: как использование потенциальными субъектами православной просветительской деятельности в своей работе взглядов и подходов русских философов, так и отказ от их использования сопряжены с опасностями «ухода» просветителей в различные крайности, заблуждения, ошибочные трактовки (осо-

бенно в современных дальневосточных условиях). Тем не менее, нельзя не признать того факта, что знание потенциальными субъектами православной просветительской деятельности русской философии может обеспечить им, в тех или иных отношениях, определенные дополнительные «окна возможностей». Важно только еще уметь, конечно, духовно-грамотно такими «окнами» пользоваться. В данном ключе и имеет смысл говорить о значении тех или иных концепций известных русских религиозных философов для потенциальных субъектов стратегий православной просветительской деятельности, транслирующих адресатам ключевые положения «Основ социальной концепции РПЦ».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бляхер Л.Е., Левков С.А. Основания региональной социальной политики: монография / Л.Е. Бляхер, С.А. Левков; Хабаровский науч. центр ДВО РАН. Хабаровск: Хаб. кн. изд-во, 2005. 132 с.
2. Зеньковский В.В. История русской философии: В 2 т. Т.1. / В.В. Зеньковский. Ростов н/Д., 1999. 544 с.
3. Касавин И.Т. Традиции и интерпретации: фрагменты исторической эпистемологии / И.Т. Касавин. СПб.; М.: Изд-во РГХИ, 2000. 320 с.
4. Лосский Н.О. Бог и мировое зло / Н.О. Лосский. М., 1994. 432 с.
5. Марк, архиепископ Хабаровский и Приамурский. Православие на Дальнем Востоке: история, современность, перспективы / Архиепископ Хабаровский и Приамурский Марк. Хабаровск: Хабаровская духовная семинария, 2009. 64 с.
6. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви / М., 2001. 127 с.
7. Соловьёв В.С. Сочинения: В 2 т. / В.С. Соловьёв. М., 1990. Т.1. 894 с., Т.2. 824 с.

© Потапчук Владимир Иосифович (000644@pnu.edu.ru), Добрых Алексей Вячеславович (avd.avch2010@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

